

63.1(SASx)
M 28

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

С. МАРР

ПОЕЗДКА
Н. Я. МАРРА
В ЮЖНУЮ ГРУЗИЮ

(в Шапшети и Кларджети в 1904 году и
в Лазистан в 1909 году)

Издательство Академии Наук Грузинской ССР

Тбилиси—1949

lmm

НБ РА им. И.Г. Папаскир

254262

К.п.

63.1(3472)
М 28

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

С. МАРР

ПОЕЗДКА
Н. Я. МАРРА
В ЮЖНУЮ ГРУЗИЮ

(в Шавшети и Кларджети в 1904 году и
в Лазистан в 1909 году)

254262

Издательство Академии Наук Грузинской ССР

Тбилиси—1949

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
АБХАЗИИ им. И. Г. ПАПАСКИР

Первые годы научной деятельности Н. Я. Марра прошли преимущественно в занятиях над памятниками письменной и материальной культуры Грузии и Армении.

Работа его, казалось, велась в разных областях, но философски она была проникнута единым духом, единой энергией и волей, которые связывали все, казалось бы, разрозненные усилия в один творческий узел; ручьи и потоки, вырвавшиеся из истока большой реки, вливались обратно, оплодотворенные в глубоко взрытое русло все той же могучей реки, скажем мы, перефразируя самого Н. Я. Марра. Одним из этих живительных ручьев, по которому плыла его мысль, была каталогизация памятников, дело, которому он был предан еще со студенческих лет. Много дней провел он за работой над описанием и изучением рукописей Общества распространения грамотности среди грузин. В Армении он работал над собранием рукописей в Эчмиадзине и на Севане. Работа эта открыла ему драгоценные памятники истории этих народов, культурную роль их в прошлом, дружественные связи между собой и с окружающим миром.

Н. Марр побывал на Афоне в Иверском монастыре, который сыграл такую большую роль в истории грузинской

Печатаемый здесь отрывок представляет собой извлечение из общего очерка о научной деятельности Н. Марра. Ввиду того, что статья носит научно-исследовательского характера и рассчитана на широкий круг читателя, все цитаты хотя и даны в кавычках, но не снабжены, каждая, сносками, дабы не пестрить текста и не осложнять набора. Список литературы, которая была использована, дан в конце книги.

культуры. Это был особый уголок, очень своеобразный, где с VIII века развивалась и крепла грузинская церковная письменность, где создавалась знаменитая Афонская школа. Она захватывала собой и Константинополь, и Петрицонский монастырь в Болгарии, и Черную Гору близ Антиохии; здесь везде шла интенсивная работа Грузии над переводами с греческого и над перепиской рукописей.

О грузинских и армянских переводах того времени Н. Я. Марр позже сказал, что по научной точности и эрудиции они превосходят всему миру известные переводческие школы арабов и предваряют начало европейского гуманизма многими веками.

Афон был связан с Иерусалимом и Синаем, где были также грузинские монастыри, и с Грузией, где центром умственной жизни с VIII века являлись области Тао-Кларджети и Шавшети.

Поездка Н. Я. Марра в Шавшети и Кларджети в 1904 г. — это отнюдь не случайный эпизод в его жизни. Все работы, все поездки вызваны были всегда глубокой внутренней необходимостью, диктуемой его работой, потому что для Н. Я. Марра жизнь и наука — это «неразлучимые элементы бытия».

... Весной 1902 года соединенными усилиями Петербургского университета, Палестинского общества и Восточного Отделения Русского Археологического Общества была организована экспедиция на Синай и в Иерусалим для ознакомления с собраниями грузинских и армянских рукописей.

Н. Марр давно мечтал об этой поездке, еще со времени своей Афонской экспедиции. «Для меня стало ясно, вспоминает он в «Отчете о работах на Синае», что нельзя издавать афонских материалов, не порывшись в синайской и иерусалимской библиотеках за новыми данными для пополнения, а особенно правильного освещения собранных в Ивере фактов».

В поездке на Синай принимали участие, кроме Н. Я. Марра, И. А. Джавахишвили, который ехал также для работы над грузинскими рукописями, и А. А. Васильев,

представляющий собой, по словам Н. Марра, «редкое сочетание византиниста и арабиста».

Поездка заняла более полугода. С одной стороны Н. Марр ставил себе задачей изучение грузинских и армянских рукописных собраний и составление, совместно с И. А. Джавахишвили, каталога грузинских рукописей Синайского монастыря; также он надеялся установить по арабским и сирийским (христианским) рукописям связи грузин и армян в линии литературных течений. С другой стороны Н. Марр стремился ознакомиться с древнейшей датированной грузинской рукописью 864 года, «Сборник Чтений», хранившейся на Синае, для своей работы о родстве грузинского языка с семитическими языками — тема, над которой он работал уже 14 лет со студенческой скамьи, то зерно, из которого выросло «Новое учение о языке».

Поездка сама по себе, несмотря на все трудности, привлекала его. Он никогда не пытался найти разрешения интересующих его задач в тиши кабинета. Он должен был прикоснуться к прошлой реальности хотя бы тем, чтобы посетить места той жизни, которую он пытался разгадать по книгам и памятникам. Он считал недостаточным пользование только письменными источниками; сквозь призму сведений письменных данных мы имеем лишь «застывшую простоту», письменные источники многое освещают пристрастно и о многом умалчивают, и хотя он понимал голос умолчаний, все же он ожидал «больше здорового света от языка памятников архитектуры и материальной культуры в сочетании с письменными данными». Но он хотел видеть их не как экспонат в музее, а в их естественном бытии и смерти. Он хотел как-то вдохнуть воздух прошлого, видеть природу, потому, что и она участвует в построении жизни, с ней ведет борьбу человек, побеждая ее. Он хотел слышать живую речь, потому что она часто хранит более древние явления, чем старые письменные источники.

На Афоне ему казалось, что он перенесен в эпоху византийско-христианских духовных интересов; в Сванети он будет чувствовать себя окруженным языческой культурной

атмосферой эпохи урартов. При поездке на Синай он хотел испытать хотя бы в малой доле то, что испытывали люди в те далекие времена. Трудности пути, зной пустыни, качание на верблюде—все это было для него связано глубочайшей внутренней связью с его работой; это приближало его к тем, с кем он общался на расстоянии веков. Пребывание в монастыре, чечевичная похлебка, строгое распределение занятий, постоянный труд были ему радостны. Это делало его сопричастным той жизни, которую он изучал.

Поездки на Синай и в Иерусалим дали материалы захватывающего интереса; был открыт целый ряд еще не исследованных памятников древней письменности Грузии; история деятельности грузин в Палестине, на Синае, и отчасти в Сирии, получила благодаря им новое освещение. Факт церковно-литературного общения Грузии и Армении в древнейшую пору блестяще подтвердился. Знакомство с рукописью 864 года «Сборник Чтений» «ошеломило его», как он сам говорил, тем, что грузинский древнеписьменный язык оказался совсем не таким архаичным, как он думал, и многие особенности живой речи нашли оправдание в этом письменном памятнике далекого прошлого. Этот момент помог ему оформить те мысли и наблюдения, которые у него возникали в связи с его работой над письменными источниками и живыми материалами. Он начинал ясно понимать, какое громадное значение для изучения письменности и «мертвых языков» имеют «вскрываемые в живых языках крайне древние пережитки», дошедшие до нас в застывшем, окаменелом виде от древнейших времен; они бросают яркий свет на раннюю жизнь человечества и исторические ее пути.

Из этих мыслей и научного опыта выработался палеонтологический метод, который лег в основу «Нового учения о языке» Н. Марра.

Н. Марр опять привел в движение целый море-океан проблем, как выразился после одного его доклада акад. В. Р. Розен, и гул этого океана донесся и до Европы, где в Берлинской Академии наук известный историк и профессор Гарнак, сделав доклад о работах Н. Марра на Синае и

в Иерусалиме и указав, что Н. Марр, ознакомив ученый мир Европы в ряде своих «превосходных изданий» с памятниками древнегрузинской письменности, доказывает самым ясным образом, что к великой греко-христианской семье народов древности принадлежат и грузины... «Появятся ли у нас в Германии молодые ученые, которые изучат язык, литературу и историю этого народа с древней культурой и приблизят нас к ее сокровищам?»—задается вопросом немецкий ученый. «Нашим академикам ставится здесь новая задача».

Целый ряд интереснейших материалов очутился в руках Н. Марра. Постепенно, год за годом, он издавал их. Но ничто быть может так не занимало его, как рукопись, открытая им осенью 1902 г. в Иерусалиме. Об этом памятнике он знал раньше по описанию Н. Чубинова, но поскольку А. Цагарели не упоминал о нем в своем каталоге, Н. Марр очень боялся, что он утрачен.

Памятник был озаглавлен «Труды и подвиги преподобной жизни блаженного отца нашего архимандрита Григория, строителя Хандзты и Шатберла, а вместе с тем и повествование о многих блаженных отцах». О местонахождении Шатберда много спорили специалисты, в связи с появлением драгоценной Шатбердской грузинской рукописи X века, и не знали где его искать. Найденная теперь рукопись могла открыть целую забытую сторону культурно-исторической жизни Грузии: ее высокая ценность чувствовалась даже при беглом ее просмотре. Автором ее был грузин Георгий Мерчул. Живым и образным языком повествовал он о прошлой жизни Грузии, главным образом Тао-Кларджети, о создании целого ряда монастырей, о политических событиях, культурных завоеваниях и бытовых особенностях. Описываемые места были известны в то время под именем Грузинского Синая и были расположены где-то в углу, образуемом рекою Имер-хевом (Шавшетская река) и ее правым притоком Карчхалкою, но точное местонахождение монастырей, основанных Григорием, было неизвестно.

Мысль о Грузинском Синае чрезвычайно занимала Н. Марра. «Чем дольше оставался у меня в руках его гру-

зинский текст, — пишет он в предисловии, — тем более усложнялся интерес к нему». Ему хотелось дать «опыт истории всего края, лежавшего в узловом пункте, где сплетались интересы национальностей греческой, армянской и грузинской, не говоря об аборигенах, тубал-кайнах именно или чанах или мингрельцах». Вся эта возвышенная область: на востоке Карс, на западе гористая часть Батуми, Ардаган на севере у верхнего течения Куры, область, где «точно на наковальне выковывалась одна судьба всего местного населения», представляла для него глубочайший интерес.

Летом 1904 г. возобновились работы по раскопкам Ани, намеченные еще в 1892—93 годах. Начались они в широком масштабе и сразу стало ясно, какие грандиозные перспективы прошлого открывают эти раскопки. Но и в пылу работы Н. Марра не оставляла мысль о «Грузинском Синае». Ему казалось, что «тао-кларджетские развалины для политической и особенно культурной истории Грузии так же важны, как для армянской истории городище Ани, и они важны не только для выяснения «поздней» тубал-каинской государственности, именно лазской, в VI веке, «для формирования еще нового грузинского государства, для выяснения роли самостоятельной грузинской церкви, но и для так называемой доисторической эпохи, эпохи архаической культуры иверо-чанов, связанной и с развитием металлургии у тубал-кайнов и халибов, и с колхским могуществом, давшим пищу для сказания о золотом руне». Драгоценная рукопись лежала перед ним, жизнь прошлого проходила перед глазами, голос ее казался взывал к нему... и вот он оставляет Ани и в середине июля выезжает через Карс, Ардаган, Сабзеvar в Шавшети и Кларджети. Он отправляется на розыски монастырей, руководствуясь данными «Жития», которое явилось для него «лучшим и наиболее просвещенным бедкером». Предстояла утомительная поездка, но это была научная задача, одушевленная мыслью увидеть места, запечатленные жизнью замечательного деятеля грузинской культуры.

...Уже неделя как он скитался по самым, казалось, глухим местечкам этого края. С ним был стражник Шахро

Джапаридзе из Ардагана и курд Омар. Часами ехали они по дремучему сосновому лесу, местами едва проходимому. Не только не было видно горизонта, но и небо исчезало под зеленью гигантских сосен. Кругом стояла гробовая тишина. Наконец они выехали на высокотравное плоскогорье, покрытое крупными душистыми цветами, точно узорчатым ковром. Было прохладно, почти холодно, но легко дышалось свежим воздухом. Трава была сочная и густая, аромат цветов, казалось, плыл вместе с туманом: Невольно вспоминал он свое путешествие на Синай, бесплодные пустыни, мерный ход верблюда. И там и здесь искал он одного — научной истины. Он чувствовал свое братство с древними учеными монахами Синая и с деятелями Кларджети. Они служили, как могли, своей родине и во имя ее творили для своего народа по предельной мере своих сил. А он? Перед лицом великого прошлого своей страны он чувствовал себя маленьким, но разве он не был ее преданнейшим сыном, разве он не чтит ее задел перед культурой со всем вниманием историка, для которого было свято «справедливое распределение в науке».

Он строил, разрушая собственными руками, когда расчеты его казались ему ошибочными, но он никогда, даже разрушая, «не вынимал души из своих построек», и ему было нелегко.

Пейзаж менялся, степь перешла в лес, «моросило густым слоем мелких капель», туман волочился по деревьям; у спуска он обратился в непроницаемую темную мокроту. Вот она, шавшетская «бела й ава», горе-погода.

Они проезжали селенье за селеньем. Ничто не отрывало Н. Марра от работы, на которой он был сосредоточен. Он разговаривал со встречными по-грузински, по-турецки, по-армянски, с муллой он разговаривал по-арабски, удивляясь твердому знанию арабских форм и ясному пониманию значения слов; студент один толковал Коран по-грузински. «Было странно по новизне», отмечает он в письме.

Он читал и списывал встречные надписи; осматривал развалины храмов, обмерял их, описывал и фотографировал; он проверял на месте полученные сведения. Когда он

отдыхал, ему приносили рукописи, с которыми он знакомился.

Все глубже входил он в жизнь этого края. Это была древняя земля: с незапамятных времен сюда стекались народы с Ванского юга и оседали здесь: библейские народы гоги с магагами (гугуры), кейниты, табарены, потомки библейского Тубала, обитали здесь. На мифической заре культурной жизни Греции это была желанная Колхида; многочисленные племена сошлись сюда и жили общей жизнью. «Это была этническая среда выработки грузинской социальной формации, грузинской национальности, древнейший этап в этом исторически важнейшем для Кавказа процессе, породившем картов или картвелов.*

«Внешне: политические перемены в судьбах края, появление его в составе то Понтийского царства, то римской провинции, то византийских окраин... Под корой наружной политической жизни... шла иная внутренняя жизнь: культурная переработка и краевого уклада, и этнического состава населения из одной формы в другую». Это был сложный и длительный процесс скрещения и перерождения, процесс, в котором сплетались интересы многих племен, позже национальностей, пути которых определило принятие христианства».

С глубоким и проникновенным вниманием вглядывался Н. Марр в окружающее. Казалось, он читал большую старую рукопись, местами испорченную, с вырванными страницами, местами неясную, иногда же ослепительным светом внезапной догадки ударяющую ему в глаза. Это чтение всегда было захватывающим; остатки прежней жизни хранили в себе искры «погасшей общей кавказской культуры», которую он чувствовал по целому ряду мелочей.

Он наблюдал человека, его речь, его жилище, обиход. Этот человек по большей части говорил по-турецки, но часто выяснялось, что дома, в семье говорят по-грузински, или что его отец и, особенно, дед хорошо знал грузинский язык. Физический тип свидетельствовал о грузинском про-

* Ир. IV 263—270.

исхождении; имя он носил турецкое, фамилию—грузинскую. Целый ряд предметов материальной культуры носил грузинские названия, также части дома. «Народ здесь удивительно симпатичный, хлебосольный, приветливый,—писал Н. Марр с дороги*. Это отуреченные грузины-мусульмане (иногда говорят по-грузински); веселые, добродушные, красивые, как на подбор... попадают между ними ученые по местному мульты». Все они проявляли большой интерес к расспросам Н. Марра; особенно интересовались старики; они помнили, что у такого-то там-то хранились грузинские рукописи, по большей части они пропали, сгорели. Сообщали о камнях с надписями, водили на развалины, рассказывали о церквях.

Трудно было здесь разобраться в этническом составе населения. С Н. Марром ездил стражник Амбарцум Тоисуджян, артануджец, армянин-католик.

У Н. Марра записано в дневнике:

«... Древности, так старательно осматриваемые, на него (т. е. на этого стражника Амбарцума) произвели впечатление. «Скажите, пожалуйста, в старину люди были более умны или теперь?»—спросил меня раз неожиданно Амбарцум. Его особенно поражало умение древних выбрать для построек места, лучшие не только по удобствам, но и по красоте. «Как здесь хорошо!»—восклидал Амбарцум, как только знакомился мы с местоположением нового монастыря. Его поражала прочность полезных сооружений, давлен, погребов, мостов, грандиозность зданий, монастырских помещений и зал.

«Неужели это строили грузины?»—спросил Амбарцум не в первый раз уже в Опизе.

«Да, грузины»... «Быть может грузины-католики?» У армян в простом сословии религия отождествляется с национальностью, и я боялся, сумею ли растолковать ему, что грузин-католик, если действительно таковой существует, такой же грузин, как грузин-халкедонит. «Нет», ответил я Амбарцуму — «это были православные грузины, халкедониты».

* Письмо к В. Р. Рязану.

ты «поромы» (ромен): но скажите, каких вы имеете в виду грузин — католиков?» «Мои предки грузины-католики. Я по-грузински не знаю. Отец мой знал по-грузински, дед мой армянского не знал, а знал по-грузински».

С горечью и сердечной болью наблюдал Н. Марр «застывшую оличалость», в которой жил теперь человек, несший на себе гнет векового рабства, питающийся лишь «крохами от той древней высокой земледельческой и садовой местной культуры, сохранив в своей живой речи термины, выкованные еще в те эпохи, десятки названий сортов винограда и названий водооорогительных сооружений».

Человек жил на своей родной земле, он жил культурным наследием предков, их навыками, мыслями. Он полубессознательно соблюдал старые христианские обычаи и праздники и терял свой язык, драгоценнейшее совершенное выражение его национальности, главнейшее проявление его общественного роста.

Больше месяца длилось путешествие до Хандзты. Сколько селений он проехал, сколько описал церквей, прочел и записал надписей, сделал наблюдения над жизнью. И прошлое и настоящее во всем его многообразии занимало его.

Рядом с описанием церкви, обмером, разбором этимологии слова, он рисовал в своем «Дневнике» живую сценку жатвы, отмечал грацию работающих на поле женщин; рассказывал о девушке, попавшей в лапы медведя. Он описывал свадьбу с ее музыкой и песнями; похороны с заплачками.

Разве он не близок к автору этого так заинтересовавшего его «Жития», Георгию Мерчулу, которого он характеризует как человека с широким кругозором, самобытным интересом к окружающему миру, непосредственным любовным отношением к материальной жизни и ее проявлениям со всеми мелочами вне традиционных форм и шаблонов.

Они уже подъезжали к тем местам, где был когда-то знаменитый «Грузинский Синай». Здесь, казалось ему, реяли тени подвижников веры, явившихся одновременно подвижниками культурного труда.

Это было прекрасно выбранное место с умеренным климатом, «ни сильная жара не опалает края, ни чрезмерный холод не беспокоит его обитателей» — с чистой водой, с бесчисленными лесами, залитое лучами солнца. «Богом даровано ему природное веселье» — так сказал о нем тот, кто сохранил до нас память о культурной жизни своего времени и о людях, «которые сияли подобно утренней заре на небесной тверди под видимым и преходящим солнцем».

Здесь в VIII веке усилиями монастырской братии, которую Н. Марр назвал по тем временам «трудовой артелью», велось строительство с культурной работой над природой и над произведениями почвы земледельческими, вообще сельскохозяйственными, и над полезными ископаемыми. Не всегда это было легко: «И нет у тех монастырей ни лугов, чтобы косить, ни пашен, чтобы пахать, а что касается провизии, она доставляется с большим трудом на спинах ослов. Только ценой страданий и беспокойств насаждены ими немногие виноградники, а также фруктовые сады. Злаки же полевые родятся в несметном обилии».

«Путем неустанного труда в этих как-будто бесплодных горах были созданы «цветущие хозяйства. в частности садоводческие со всеми тогда известными техническими усовершенствованиями и, главное, тысячелетним опытом, накопленным знанием сил родной природы, которому могла бы позавидовать сельскохозяйственная наука нашего времени».

Дороги, по которым шел Н. Марр, были жалкими остатками сооружений древних грузин; они имели тысячелетнюю давность. Заброшенные, они пришли в полный упадок. Движение по ним часто казалось эквилибристическим фокусом, хождением по стене или по веревке. Тяжелые подъемы сменяли один другой; он лазил туда, куда не всегда шли местные жители. Как-то лошадь его сорвалась с дороги и свалилась по склону горы; хорошо, что он успел высвободить ноги из стремян. Иногда наблюдения приходилось делать сидя на лошади, которая крутилась под проливным дождем, перемешанным с крупинками града.

Он мало замечал трудности; он скорее реагировал на красоту, которая также входила в круг того мира, общего целого, которое он пытался в себе воссоздать. Она оставалась неизменной во все времена — эти вершины, освещенные солнцем, в то время как более низкие горы покрываются ночной мглой. Красное зарево набегаёт на синее небо, причудливо обведенное то ломаной, то кривой линией, рязущей контуры дальних высоких гор.

Таким видели это небо отшельники Кларджети; таким оно было и для великих объединителей Грузии Артануджских Багратидов: Давида Куропалата и Баграта III.

Наконец минули неприступный Артанудж, некогда столицу грузинских Багратидов. И здесь Н. Марр, как всегда, подробно все осмотрел, обмерил и описал, несмотря на то, что не эти памятники являлись объектом его исследований.

В его работу втягивались все, кто с ним соприкасался. Стражники, уже бывшие в курсе его интересов, указывали ему на встречные памятники; местные жители водили его на развалины, к нему плелись древние старики и старухи, которые рассказывали, что помнили, мальчишки бегали, как гончие, и разнюхивали для «аги», который не только хвалил их, но и награждал мелкой монетой. Интеллигенция заинтересовалась: в Артанудже дядя встречного гимназиста с радостным лицом пришел объявить, что Шатберд найден; об этом же сказал ему хороший знакомый, бывающий около села Чедила. Кружок лиц, захваченных этим интересом, уже поздравлял Н. Марра. Чувствовалось, что уже приближаются к месту, несколько раз приходилось менять маршрут. В Чедиле ничего не знали о Шатберде, но сообщили о близости монастырей Цхаростави, Баретельта (Баратеул) и Нука-сакдар, по-грузински Нука-эклесие, произносили Нука-килисэ. Поехали через Баретельту; встречались развалины простых строений; прочность и аккуратность кладки говорили о культурных навыках и об архитектурных достижениях древних грузин.

Подъем в Цхарос-тави представлял большие трудности, приходилось слезать с лошади и пробираться скользя по

еле заметным тропинкам и «чортовым переходам». И здесь были остатки старой дороги с сохранившейся местами древней кладкой. Из «дневника поездки»: «...к 12 часам мы успели подкрепиться и отдохнуть у ручья Цхаро-тава и тронулись к монастырю, увы, к забытым развалинам монастыря. Я подходил с сердечным трепетом, меня охватило волнение и от мысли о прошлом величии обители, и от мысли о том, найдут ли на месте какой-либо ключ для ответа на мои запросы».

Он чувствовал, что нашел этот «Грузинский Синай» — Хандзту, и еще более древнюю Опису, и ее крылья Берту, и близлежащие к ней Милзнадзор и Цхаростави с их обителями. «Шатберд, хоть стоит несколько вдали от прочих пустынь, тем не менее нераздельный собрат их по доброте божьего в нем воинства». Он помнил наизусть многое из «Жития».

Все осмотрев, отмерив, рассчитав, засняв и записав — непостижимо, сколько он успевал сделать за один день — в 5 часов утра двинулись из монастыря Цхарос-тави. Спуск был труден, тропа, иногда совершенно исчезающая, шла скастом. Под ногами скользили листья и песочные шарики. И все же тропа эта была остатком древней дороги, местами проглядывала старая кладка дорожного сооружения. Ночевали в Ахалте. На следующий день должны были подняться к церкви Нуки-килисэ. Еще когда он поднимался в Цхарос-тави, вид этой базилики на отвесной скале над рекой, внезапно выступив за поворотом реки, привлек его внимание. Ему показалось, что здесь он и должен искать ключ для ответа на свои запросы.

Подъем начали с 9 ч. утра. С самого начала пути пришлось делать отчаянные усилия, чтобы удержать равновесие: палка не помогала, сапоги скользили как лыжи. Это вызвало ироническое замечание старика, стоявшего поблизости; он сказал по-турецки — Н. Марр понял — «И этот эффенди хочет еще подняться на Нука-килисэ». Наконец один парень предложил Н. Марру одеть поверх сапогов лапти с плетением на подошве. Это очень помогло. Скоро он уже легко шел, играя палкой в воздухе, и по-детски раду-

ясь этому, не отставая от спутников. Наконец, карабкаясь по выступам скал над пропастью, по тропинке, похожей на наклонную веревку, добрались до развалин церкви, которая находилась на обрыве. Внизу текла «пенящаяся в скалистой раме» «небесно-водная» Карчхалка. В жизни он не видел горной реки прекраснее ее!

Первое же впечатление его было, что это Хандзта... Хандзта, стоящая на северном склоне горы, обращенной на восток. Это, должно быть, была церковь, построенная, как сообщал Георгий Мерчул, несколько позже основания обители. Первая церковь была деревянная.

Суровые скалы были почти отвесны. Церковь, базилика была всажена на скалу с южной стороны на небольшой площадке, собственно на остроконечном выступе скалы, которую выравнивали частью киркою, частью кладкою. «Эта работа была так трудна, что самая подготовка почвы сочтена была так, точно вполне была выстроена сама церковь». Так пишет автор «Жития», который отмечает, что «Хандзтийская скала самая острая во всех пустынях Кларджии». Действительно, скала эта выдавалась из склона горы саженой на 10—12. От всего пейзажа веяло крайним аскетизмом. Самый характер расположения и постройки из простого камня, выкрашенного в черный цвет, гармонировал с окружающей природой. Хандзта — это «первенец Григория», которого летописец его назвал «градодельцем пустынь». Он был игуменом и строителем также и Шатберда. Вместе со своими четырьмя сподвижниками вырыл он землю для келий. Не было у них ни топора, ни кирки, ни иного подобного орудия. Им помогли отцы Опизской пустыни, потому что «мирян оседлых не имелось поблизости, вследствие новостности заселения края».

Церковь Нуки-килисэ так и оказалась этой второй каменной хандзтийской церковью. Строили ее искуснейший строитель Амон и его помощники. Камень и известь доставляли из далекой местности на спинах людей, и так как строители их покупали, все взвешивалось на весах». Один из жителей, потомок прежнего населения, сказал Н. Марру,

что та церковь называется Нуки-килисэ, так как была заложена на одном камне, взвешенном в 1½ ф. (нуки).

Как всегда, Н. Марр делает обмеры, фото, описание памятников и всего принадлежащего к ним, все время находясь под впечатлением этой строгости и суровости.

Хандзта (ее здесь называли Нуки-килисэ, Нуки-сакдар) была найдена.

«... Хороша та пустынь яркостью солнца и умеренностью воздуха во всех отношениях. В ней прекрасный, холодный и приятный родник, обильно вытекающий. Дубравы многочисленны до бесчетности. Найдется еще кое-что для утешения, насколько в силах дать его пустыня, но полей для посевов и земли для косябы нет вовсе, да их и нельзя иметь на зубчатых острых вершинах Гадо». Услышав это, славный куропалат пожертвовал хорошие места и в числе их местность Шатберд. Этот Шатбердский монастырь стал центром литературной деятельности монахов. Туда особенно стремился Н. Марр.

Он отправляется дальше; тянутся прекрасные места с обильной родниковой водой, с виноградными садами. Новые встречные развалины «Килиселар» он определяет как Мидзнадзор; это название он слышал уже неоднократно, но указывает, что если бы даже никто и не назвал эту местность, то он решился бы сделать это отождествление, потому что действительно положение монастыря у крутого поворота Карчхалки, где вливается в нее Цхумурская речка со стороны селения Порты, соответствует названию Мидзнадзор — срединно ущельная — арм. Миджнадзор.

Ночевали в Ахалте и на утро двинулись в Порту, — так теперь назывался старый Шатберд. Н. Марр находил несправедливым отуречение географических названий и по мере своих сил старался употреблять старые наименования.

Сразу от села начался такой подъем, что перед ним даже подъем в Хандзту казался пологим. Н. Марр в первый раз почувствовал себя выбившимся из сил, ноги подкашивались. Почему бы это? Все было в порядке — и лапти, и палка. Он, наконец, догадался, что голоден, «здоровый чистый горный воздух нестерпимо острит аппетит, а он утром вы-

пил только два стакана чая; хлеба было мало, он его берег, хотя ему было уже 5 дней, а бисквиты из Артануджа имели действие рвотного. Он все же набросился на черствый хлеб; была коробка сардин, но язычок сломался, он не сумел справиться с машинкой для открывания консервов. Пришлось сделать привал; он чувствовал утомление и одновременно нетерпение его все возрастало, медлительность его спутников напоминала ему таковую же бедуинов, когда он спешил на Синай. Он изнывал от ожидания. Прошли в верхнюю Порту и стали спускаться в Сары — нижнюю Порту; жители утверждали, что в прежнее время была древняя дорога отсюда в Хандзту, не спускаясь в ущелье, а прямо через горы.

Наконец они подошли к «древней искомой области». ... Вот развалины сторожки из крупных камней, внутри — ниши. ... Он был счастлив, когда входил во двор церкви.

Из «Дневника»: «В гостях у Григория Хандзтийского» — подумал я — «в гостях у составителей и писцов Шатбердского сборника X века», мелькнула у меня мысль, и мне показалось, что моя физическая усталость исчезает при этой мысли об общении с забытыми работниками некогда цветущей грузинской культуры. Еще раньше при виде обители меня охватило настроение такой отрешенности от современного мира, я стал ощущать такую близость прошлой реальности этого отшельнического уголка, что я кажется не удивился бы появлению во плоти самого Григория Хандзтийского, с ответом на приведший меня сюда вопрос: «Где Шатберд?».

«Несмотря на то, что Григорий назван Хандзтийским, что Хандзта — его первенец, Шатберд в моем представлении как-то теснее связан с Григорием; он, кажется мне, больше лелеял Шатбердский монастырь, чем Хандзту. Да и независимо от Григория Шатберд приковал мое внимание, как центр литературной деятельности, укрепившей почву для непосредственного приобщения грузин к западной византийской культуре, и в то же время поддерживавшей или возродившей древнее общение грузинской мысли с армянскою, вообще восточною, словом, как центр литературной

деятельности, плодотворно повлиявшей на последующий культурный рост Грузии.

«Я с наслаждением переступал порог ворот, на душе было хорошо, и я до слез был растроган при мысли, что вступаю в интимный уголок древних тружеников просвещения. Но, увы, все это настроение вмиг рассеялось и я пришел в неопишемое раздражение, когда увидел, что двор Шатбердской церкви сделан конюшнею, местом свалки нечистот, колокольня обращена в сеновал и ее внутри даже осмотреть нельзя, в церкви Богоматери и на алтарном возвышении под восточным окном валяется издохшая коза, а кругом куча навоза; сейчас же Мухтар послал в Верхнюю Порту за Хасаном Реджаб-оглы, присвоившем себе колокольню и обратившем ее в сеник...».

Из Шатберда Н. Марр прошел в древнюю Опизу, которая была единственным монастырем в Кларджии, когда туда пришел Григорий. Прощаясь с Опизой, он с грустью бросил последний взгляд на монументальные постройки купалат и «энергичных продолжателей его дела, не только заглохшего в жизни, но и незаслуженно забытого наукой».

Из Опизы двинулись в Бертю. Везде он наблюдал остатки древней культуры грузин... «...Край был пустынен и девственен. Что из него сделали в свое время грузины свидетельствуют не только церковные и монастырские постройки, но и хозяйственные и общепользные сооружения, как например, винодельческие приспособления, мосты, водопроводы».

И уходя из Берты с грустью внимал он зову муэдзина с высоты почившего монастыря: «Было грустно слышать на твердыне некогда живого христианства торжествующий голос ислама... Родные дети тех, кои сооружали эти памятники христианства, спешили вверх в храм изливать свое молитвенное настроение в формах, чуждых строителям Берты. Грустно было смотреть, грустно было слышать».

С осмотром Берты прямая задача его поездки заканчивалась; он прошел еще в ущелье Парехта, где находились развалины церкви. Пытался взойти на гору Дюташ, что означает «прямой камень», где находилась пещера, но про-

никнуть в нее не удалось, так как нужна была лестница, которую на месте не сумели соорудить.

Срок его поездки истек. Он двинулся в Артвин, но и сейчас не оставил работы; он так же методично и аккуратно наблюдал все окружающее, обмерял, фотографировал и описывал встречаемые памятники.

В «Введении» к своему изданию «Житие Григория Хандзтийского» Н. Марр сам подытожил свою деятельность: «... В «Дневнике поездки в Шавшию и Кларджию» ... подробно, быть может чересчур подробно, изложены все мои мытарства в поисках развалин перечисленных обителей.

«Но раз я получил возможность побывать в крае, я старался ознакомиться непосредственно со всеми археологическими и филологическими материалами. Таким образом удалось собрать немногие уцелевшие надписи, изучить, хотя и бегло, имерхевский грузинский говор, записать таксы, записать местами десяток географических пунктов, теперь урочищ, не нанесенных на пятиверстную карту или нанесенных топографически неточно или с ошибками в названиях. Попутно я заносил в «Дневник» все, что узнавал, слышал, или видел в этом крае, воздавшем сторицею Грузии за просветительные труды ее сынов внесением крупного обновительного вклада в грузинскую культуру.

«Отмечал я и вымерял все развалины; большое количество развалин маленьких приходских церквей, свидетельствующее о частом расположении сел и густоте населения; записывал названия различных сортов винограда у нынешних жителей «турок», в том числе переживших здесь грузинские названия, вносил в «Дневник» глухой отголосок романтической были Артануджа, жалкий обрывок сказания о культе Богоматери в Порте или Шатберде, заметку о следах росписи там и сям, так в Опизе о системе орошения, с грузинским названием главного канала в Берте, о древних дорогах и мостах, о террасах для построек и для садов, о каменных давилях в садах, о христианских переживаниях в речи и нравах мусульманского населения...».

Он перечисляет целый ряд архитектурных тем, которые возникли в процессе его исследований. Он настаивает на

том, что край, где его лучшим и наиболее просвещенным Бедкером являлся Георгий Мерчул, местный грузинский писатель середины X века с широким кругозором и самобытным интересом к окружающему миру, великолепно владеющий книжным языком, художник слова, сумевший придать своему повествованию чисто грузинский колорит — край этот заслуживает дальнейшего изучения, лучше обставленного и научными силами и материальными средствами.

Результатом его поездки явился памятник «Георгий Мерчул, Житие Григория Хандзтийского. Грузинский текст. Введение, издание, перевод Н. Марра. С дневником поездки в Шавшию и Кларджию» (65 рисунков). СПб. 1911 г.

Книга эта была издана «selon toutes les regles» по отзыву известного агиолога-востоковеда бельгийского ученого Петерса, первого в Европе провидевшего гений Марра, как замечает И. Ю. Крачковский, знавший Петерса еще по встречам на Ливане в 1908—10 г.

Ученик Н. Марра проф. К. Д. Дондуа так отзывался об этом труде: «Перед нами непревзойденный образец филологического и лингвистического анализа, почти беспримерный в истории перевод гениально прощупанного текста, изученного в свете его реалий, как живой документ подлинной истории грузинской феодальной знати раннего средневековья».

Н. Марр не посещал больше Кларджети, но он с ней не расставался, как не расставался ни с одной большой проблемой, принятой им в круг его научной жизни. А круг этот все расширялся, неизбежно возникали вопросы, требующие разрешения, одно тянуло за собой другое.

Работа в Ани бросала свет на эту тогда еще неясную проблему Тао-Кларджетских развалин. Знакомство с Кларджети повело его в Лазистан. Он попал туда только в 1909 г., но поездка эта была им задумана еще в 1904 году. В своем путешествии по Кларджети он пользовался данными «Жития». По этим данным выходило, что аборигенами этих мест являлись чаны (лазы), которых позже сменили карты, пройдя сложный путь гибридизации. Целый ряд научных

интересов тянул его в Лазистан: исконные географические названия в Кларджети со стороны их чанских пережитков, датировка памятников древнегрузинской письменности, точнее церковного языка, если считать, что чаны (лазы) являлись проводниками православного христианства. Занимал его также вопрос о приурочении классического предания о Колхиде не к Риону-Фазису, а к Чороху-Фазису. Он надеялся произвести археологические и этнографические наблюдения и сделать ряд снимков. Ему хотелось ближе столкнуться с народом, в котором он видел представителя одного из древнейших племен, которые «на заре истории Кавказа» сошлись в этом краю. Что стало с ним теперь, когда он лишен «сродных культурных элементов, рождающих жизненную энергию, создающую идейную солидарность различных народов»?.

В Лазистане ему пришлось отказаться от целого ряда своих планов. Ехал он в сопровождении своего ученика Н. Н. Тихонова, молодого этнографа (он не фотограф). Пребывание их в Турецком Лазистане встретило такое недоверие властей, слежку за ними полиции, наускивание толпы, что пришлось ограничиться занятиями лишь языком. Это было, впрочем, главной целью поездки; остальное — это лишь сопутствующие интересы. Наступал до некоторой степени решительный сдвиг в его научном мышлении; он окончательно осознал невозможность ограничиваться в работе «одними письменными памятниками литературного языка, хотя бы с древнейших пор». Он пришел к убеждению, что исторический метод, основанный на показаниях древних классических писателей, на их выборе и согласовании, был лишен той творческой силы, которая прямо вытекала из новых источников — вещественных памятников и живых языков. Он не стеснялся сказать, что в иных случаях археологический материал, извлеченный при раскопках могильников, имеет гораздо более реальное значение, чем все почтенные Ксенофонты и Геродоты, также, — и лингвистическая палеонтология, поддерживаемая многочисленными социальными переживаниями архаической жизни, родового быта». Последняя его эпопея — открытие вишапов — тоже тя-

нула его к изучению живых массовых языков ввиду их архаичности. Он уже занимается яфетическими элементами армянского языка, производя обследование говоров и диалектов. Но к чанскому языку, как указывает Н. Марр, его «манил» еще один существенный момент — этот язык давал опору для лингвистического анализа языка сузских надписей и неопознанного языка клинообразных надписей Армении. Как всегда, Н. Марр внес подлинную страсть в свои занятия; он испытывал настоящее страдание, если был лишен возможности слышать чанскую речь и в ней практиковаться. В Атине целый день он проводил с Февзибеем, грузином по матери. Это был просвещенный человек, местный учитель. У него, как говорит Н. Марр, «был врожденный интерес к филологическим занятиям ... здоровый лингвистический инстинкт».

С раннего утра до поздней ночи проводили они вместе время, находя неисчерпаемый интерес в занятиях. В перерывах Н. Марр говорил и занимался со всеми, кто входил к нему, а вход открыт был для всех. «В мою комнату в любое время дня и ночи (был рамазан) входил каждый, как в свою, каждый ложился на мою постель, рылся в моих вещах, и я не протестовал. Я только требовал, чтобы ко мне обращались на чанском языке и я старался отвечать по-чански».

Конечно, изучая язык, совершая свои экскурсии, наблюдая людей, бывая у них в домах, беседуя в кофейной, на лодке, на базаре, с местными ли деятелями, с лодочником, с мальчуганом, с женщиной, если удавалось по тамошнему мусульманскому укладу, он делал не только языковые наблюдения: он замечал все особенности жизни, наблюдал человека, отуреченного грузина, с его двойственной ролью и психологией, с его христианскими пережитками, с его тягой к Грузии и России, с его тоской и бесплодными попытками вырваться из чуждого окружения, из под власти «цепкой мусульманской схоластики».

Так Зиабей, из грузин-мусульман, по фамилии Абашидзе, «всеми фибрами привязан к России, влюблен в русскую литературу». Его племянник Кязим-бей, живой, как ртуть,

«огонь темпераментом», расправлялся собственноручно с лицами, позволявшими себе вмешиваться в занятия Н. Марра. Он учился в Трапезунде, но не вынес тамошнего школьного режима. «Что по существу могла бы дать мне турецкая школа? Ничего для ума. Другое дело в России. Там науке учат, там люди хорошие, понимают вас, вашу душу понимают, сердце ценят. Там ученые...».

Характерна здесь именно жалоба не только на внешнее гонение, но и на игнорирование их личности: не понимают душу, не ценят сердца.

Презрение к лазу ясно сказалось в турецких пословицах: среди животных глупейшее творение гусь (каз), среди людей — лаз, «каз» рифмуется с «лаз»; или: «лазского киселя мусульманину есть нельзя».

Национальные предания у лазов больше всего вытравлялись мусульманством.

Был еще молодой Хусейн Калафаджи-оглы, побывавший в Крыму, хорошо говоривший по-русски. «Он был так приветлив», говорит Н. Марр, «точно родных увидел». В Крыму он подучился живописи и расписывал вывески атинских лавок. «Так в тиши времен, при других исторических условиях лазские мастера могли переносить малоазийские культурные навыки на северное побережье Черного моря».

Все отмечал Н. Марр, впитывая в себя окружающую обстановку: он наблюдал территорию расселения лазов, давая по возможности перечень сел, говорящих по-лазски; материальную жизнь с ее достатком и лишениями; природные богатства и занятия лазов, из которых выходили каменистые, пильщики, скотобойцы, пекари; и особенно кузнецы... «Вот где теперь слабое переживание металлической культуры, прославившей ивера-тибарена и чана, т. е. тубалкайна далеко за пределы их родного края». Лазы — прекрасные моряки и страстные любители оружия. Н. Марр говорит об отхожих промыслах, базаре, торговле, о кукурузе и табаке, о домашней жизни и обстановке, бегло отмечая, например, круглый столик, тикой же, какой он видел и у грузин-мусульман в Кларджети, резьбу на дереве, повторя-

ющую «мотивы декоративной резьбы на камне в грузинской и армянской христианской архитектуре».

Н. Марр отмечает роль женщины, труд которой составляет, наряду с отхожим промыслом, источник жизни и достатка лаза; доля ее тяжела, она работает наряду с выючным животным.

Он говорит любовно о детях — милых созданиях, сохранивших старые детские игры. «Они, после женщин, и, быть может, наравне с ними говорят наиболее чистою, свободною чанскою речью. Их отличает живой ум. Но будущее их,—с грустью говорит Н. Марр,—не в природных богатых задатках детей, а в окружающих условиях, сметающих все местное, оригинальное».

Говоря о политических настроениях, Н. Марр указывает, что большинство лазов прогрессивного направления. «По уверению Февзи-бея, ни один лаз не опозорил себя принятием участия в турецкой контрреволюции... еще в половине прошлого столетия лазы чувствовали себя самостоятельной силой. Итальянский путешественник Биянки (1863 г.) называет их «врагами турок». Но гонения и пренебрежение ко всему лазскому сделали то, что это местное спряталось куда-то далеко в тайники души и проглядывает лишь в обычаях и обрядах, которые соблюдают и чтут женщины и дети, звучит в немногих песнях, стихах, играх, прорывается в страсти к соколиной охоте у местного дворянства. Страна эта заброшена, «в науке, несомненно, больше сведений об Аравийском полуострове, чем о маленьком крае, пограничном с Россией и легко обозреваемом с палубы любого парохода русского, французского и немецкого общества».

«Носители современной культуры точно сговорились обходить лазский край»... Н. Я. Марр сам перед собой ставит вопрос, которым и заканчивает свой очерк: «Но окажется ли у нас самих достаточно сил, чтобы использовать для расширения своего научного кругозора и для углубления существующих теоретических настроений этот непочатый край, с залежами древнейших памятников, девственно покоящихся в его недрах, этот край седой древности, где

маршрут Арриана сейчас, по сохранившимся географическим названиям, проверяется так, точно это записки вчерашнего туриста?».

* * *

Покидая Лазистан, Н. Марр сомневается в том, что он сможет отдаться усиленным занятиям этим краем, который так привлекал его своими залежами древнейших памятников. Он больше не ездил в Лазистан, но и эта поездка расширила его научный кругозор и дала материал для углубления его теоретических построений. Все эти годы он вел раскопки в Ани, из которого сделал «лабораторию» по изучению культуры Кавказа, с учетом всего того, что дали Кларджети и Месхети: последняя, связанная с именем прославленного грузинского поэта, «представляла самодовлеющую культурную единицу». А далее он двинулся в Сванети и Абхазию — искать в сванском языке те своеобразные элементы, которые бытовали и в мертвой клинописи, и в живых языках Грузии..., а там и вопрос о восточно-кавказских горских языках встал перед ним сам собой и «повелительно».

Мир яфетических языков раскрывался ему и вширь и вглубь и уводил его уже за пределы Кавказа. За пределы Кавказа же звала его Октябрьская революция, промчавшаяся по миру освежающей бурей, вырвавшая с корнем, как столетние деревья, предрассудки и предвзятые мнения, с которыми люди, казалось, рождались. Революция разрушила старое; она же научила новому методу творческой работы. Это был бурный период государственной жизни, когда в громе и молнии первой империалистической войны в страстном борении Октябрьской революции рушилась старая Россия и рождалась молодая наша Советская Страна. С беспокойством наблюдал Н. Марр события на Востоке. Наступление турок в Карской области ставило под удар Армению, грозило Грузии.

Бретский мир, вынужденный и насильственный, тяжело ударив Россию, наиболее чувствительно, быть может, отозвался именно на Кавказе отходом ряда территорий к Тур-

ции. Потеря этих областей была ему тяжела и горька не только как ученому, связавшему свою деятельность с ними, — Тао-Кларджети и Ширакской областью с городищем Ани — все это теперь уходило к туркам, обречено было на разрушение и забвение. Он переживал это как патриот, кровно чувствовавший всю неразрывность свою с этими насильно отторгнутыми землями.

Этот ответственный момент заставил Н. Марра еще раз продумать и перестрадать вопрос о Кавказе и кавказских народах, на этот раз в разрезе разрыва той живой связи, которую жили эти народы. Вместе с народами Кавказа пережил Н. Марр «жуткое чувство наступающего или уже наступившего кризиса, чувство всеми инстинктивно ощущаемой реально надвинувшейся смертельной опасности для народов — творцов кавказской культуры, чувство национальной обиды». Он понимал, что народ не может жить без учета его исторических, культурных переживаний, «вне определяемой ими орбиты».

Он чувствовал себя обязанным поднять свой «голос историка» в защиту «ценности отходивших по Брестскому договору областей», голос человека, который всю жизнь занимался вопросами кавказоведения и переживал их не только как ученый, но и как общественник: «Научная работа — это энергетическое и волевое дыхание общественности».

В 1918 г. Н. Марр выступает с публичной лекцией, прочитанной им в Петербурге и в Москве, тогда когда «в дни переживались месяцы и в месяцы — годы». В 1920 г. она вышла отдельной книжечкой «Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа». Небольшая по размеру статья эта зиждется на колоссальном материале, прошедшем через руки Н. Марра за 30 лет его работы над Кавказом и представляет собой гениальный синтез его труда, исканий, дум и мыслей о предмете, которому он посвятил так много жизни. Н. Марр предлагает ее общественному мнению как «некоторый запас вчерашних знаний, необходимых для нового и правильного подхода».

Н. Марр хорошо знал и любил свою родину с ее

древней культурой. В своем восхищении ею он не мог по-добрать ничего более достойного ее, чем слова поэта, взро-щающего этой землей, являющегося символом ее богатой творческой силы: «Как редкую жемчужину ее хочется ле-леть, перекатывая с руки на руку».

Эта прекрасная страна сверкала переливами Тао-Кларджети и Ани, Месхети и Лазики, Чанин, как называл ее Н. Марр по-грузински. Какая увлекательная история рас-крывалась в этих именах, какая общая культура цвела здесь то ли в прекрасных памятниках искусства Месхети, Тао-Кларджети и города Ани, то ли в поэзии, религии и языке Георгия Мерчула и некоего безвестного месха, для нас ге-ниального поэта Шоты из Рустави, сумевшего отразить в своей поэзии, как и Ани в своем безымянном зодчестве, на-родную психологию, художественные вкусы и идейные уст-ремления того сложного по этническому составу и полити-ческой обстановке времени.

Он начинает с того, что в «больших линиях» чертит внешние судьбы этих земель, которые представляют собой «две сродные при всех их противоположностях культурные территориальные единицы—одну нагорную, другую примор-скую, исторически и природно единое целое: эта страна внесла громадный творческий вклад в общую кавказскую культуру».

Еще в 1901 г. в своей вступительной речи к доктор-ской диссертации «Об единстве задач армяно-грузинской филологии» Н. Марр указывает на площадь—наковальню, на которой выковывалась общая судьба всего местного насе-ления. Это была нагорная область, раскинувшаяся на верх-них течениях трех исторических рек: Куры, Чороха и Аракса с его притоком Ахурыном—Арпачаем. На запад ло-жился Чорохский бассейн, в архаичную эпоху Испирия, Иверия, на восток—Ширак, древняя Эразгия, Эрахип на язы-ке ванских клинообразных надписей, между ними находи-лась Шавшети—Кларджети, древняя Зания или Таия, здесь жило племя с Ванского юга, откинутое впоследствии частью в Кавказские горы, в сторону сванов, частью на южное чер-номорское побережье. На север простиралась область с ре-

кой Ахурыном, с городом Ани, с древним Кумайром (Лени-накан) и верхне-курная полоса Самixe или Месхети, в ар-хаичную эпоху Куриани, Гугария. Эта нагорная область связывалась рекой Чорохом с приморской полосой, понтий-ским побережьем, мифической Колхидой, населенной кола-ми (колхами), выходцами из бассейна Чороха, который «давал всей этой нагорной области особое жизненное един-ство общим выходом в Понт, или Черное море».

По словам Марра, уже на заре истории Кавказа значе-ние племен этого района определилось, как металлургов. Названия племен вошли в языки соседних родственных или далеких неродственных народов в качестве названий металлов — меди, олова, бронзы, железа, серебра. Эта на-горная территория сыграла особо важную роль в языковом новотворчестве. Народ-металлург, так же, как позднее на-род-земледелец, работники над естественно-производитель-ными силами страны, творившие соответственно «жизнен-нобогатую природноколоритную речь», и позднее «слу-жил творцом местного общегражданского языка...».

Многочисленные разноязычные материалы, разбросан-ные от Черного моря до южных пределов Ванского озера и от Эльбруса на северо-востоке до Тавра и далее на юго-западе, получают реально-историческую почву для своего объяснения лишь в металлургической народной среде на-шей нагорной территории, где в числе других металлургов народов жил народ кайнитов, ныне чанов или лазов, имев-ший название общее с названием железа.

Греческий миф о Прометее здесь являлся не похище-нием «огня» с неба, не откровением «свыше», а достиже-нием снизу, вытекавшим из реального познания природы, восхождением человеческого знания на башню. «... Кав-казский бог... родился в виде искры из скалы, из кремня».

Топографические условия страны в обеих ее частях—восточной и западной—делали ее в древности обильной при-родными крепостями. «Отсюда громадное значение нашего края и для военной и для гражданской жизни Кавказа. Средневековые кавказские торговые города, а их в этом районе было особенно много, все вышли из городов- крепо-

стей. Ксенофонт и, особенно, Страбон дают вполне реальные сведения о слиянии оборонительных построек с торговыми городами или мирными поселками.

Страна эта, обе ее части—и нагорная и приморская—всегда была в фокусе мировых вожделений. Еще ванские цари в VIII в. до нашей эры совершали свои походы через древний Кумайр в бассейне Куры; Арпаслан, разрушивший Ани, шел этим путем. Прорыв турок в 1914 г. совершился на наших глазах через Ардаган.

Приморская же территория являлась попеременно частью Иверии, Лазики, Абхазии, Византии, Трапезондского царства. Многократно, попеременно она входила в состав Грузии, откуда ее постоянно силились захватить соседние народы вплоть до гетуэцев. Не есть ли это достаточное историческое свидетельство о том, что в крае заложена была какая-то притягательная сила; ее также хотелось «лелеять как редкую жемчужину» всем—и дальним и ближним—народам.

Непосредственное же отношение к истории современных народов Кавказа этот край имеет с той эпохи, когда началась творческая собирательная роль его, которая дает право признать за ним значение основного фактора и в творчестве всекавказской общности и культуры.

Три строительства Кавказа: политическое, материальное (т. е. архитектурное) и духовное, вытекали отсюда, как река с водораздельной территории.

Здесь зодчество дало непревзойденные образцы.... «минуя крепости, постройки из колоссальных камней — дело рук ванских царей или более древних поллиных урартцев», Н. Марр указывал на три группы христианского строительства: «развалины Ширакской области, т. е. Карса, развалины Кларджии, т. е. Батумской области, и тесно, неразрывно связанные с ними классически стильные памятники Ахалцихского района». «Наш нагорный район вмещает в себе в наибольшем количестве памятники самостоятельного кавказского, уже христианского искусства и ныне, в развалинах, великолепные. Значение этого края не только в богатстве его архитектурных памятников, но и в творческом

вкладе его в общекавказское строительство. Специальный интерес представляют не только высокие художественные достоинства его произведений, но и, особенно, великолепная техника и преодоление ее трудностей».

Здесь, или «в среде выходцев из этого края у грузин возник живой народный литературный стиль... Здесь возникла у грузин картвелов национально-церковная трактовка в литературе международных христианских тем».

Здесь багратиды окружали свой двор писателями и поэтами и здесь светская литература получила высокое развитие.

Протестуя против «распыления» Кавказа, Н. Марр говорит, что «ни один кавказский народ не мог бы встать самостоятельно на ноги, достичь предельных возможностей и полноты развития своей народной культурноспособности вне целостности кавказской атмосферы, вне органически происходящего в интимно сплетенных путях общения саморазвившихся в непрерывном общении друг с другом народов Кавказа. На Кавказе, как на библейском Арапате, от мировой катаклизмы спасся ковчег народов с заветом общих тысячелетних традиций и навыков, представляющих громадную самобытную силу, когда они объединяются в одном процессе творческой работы».

Если для Грузии является смертельным ударом отход ее исконных областей, еще одухотворенных «кипучею жизнью прошлого, неисторгаемо сплетенной с историей каждого из кавказских народов в отдельности», то для Армении таким же ударом, если не большим, было выделение армянского вопроса из общекавказского и вынесение решения судьбы армян, хотя бы именуемых турецкими, на турецкую почву за пределы Карской области.

«... Самобытность культуры любого из народов Кавказа вне природных народно-психологических условий разноплеменной кавказской жизни немыслима. Армянское царство даже в Киликии у Средиземного моря растаяло, как внешний снег. «*Armenia maretima*» «Морская Армения» в Крыму едва ли многим известна, несмотря на то, что она значится на гетуэзской карте XIII века. Про армян в Польше извест-

но, что они национально вымерли, переродились в поляков, несмотря на предоставленные им права самоопределения. Причина самого явления вовсе не в нахождении на чужбине, вдали от родной земли; причина в разрыве культурного контакта, приостановке самооплодотворяющегося углубления народно-психологических основ родной кавказской цивилизации». И произошло то, что в западной части этого нагорно-приморского края — в Южной Грузии — насильственный отрыв от него земель, естественно и исторически связанных с общим целым, исконно ему принадлежащих, привел к тому, что «в крае догорели и погасли последние лучи былой жизни и не занялось зари с новыми лучами. Умерла культурная жизнь края. Умер человек...».

«Национально-исторические связи грузин с нашим краем... реальность. Поэтому грузинский народ никого не считает так заинтересованным в этом крае, как себя».

Эта статья была лебединой песней Н. Марра о Кавказе. Эта было его горячее слово о том, во что он верил и чего желал для Кавказа. Материалы уже выносили его за пределы этой страны, но связь, тысяча нитей, не ослабевала; он и потом неоднократно возвращается к нему, Кавказ никогда не уйдет из поля его зрения, но сейчас его зовут другие дали и его прощальное слово, обращенное к Кавказу, полно любви и проникновения, понимания его перспектив, его интересов.

Ученый исследователь, он с воодушевлением общественного проследивает своим испытующим взором древнюю солидарность кавказских народов, «закон непрерывного развития человечности»... «Умерла культурная жизнь... Умер человек...» — скорбит он, но ведь «семена народно-усвоенной культуры не умирают...». Многолетние занятия лингвистикой, этнологией, археологией, работы, проведенные им над живой и мертвой культурой Кавказа, убедили его, что «можно уничтожить государство, формальную целостность народов, разрушить территориальную местную цивилизацию, но все-таки пока живы хотя бы минимальные, подлинные части нации, эти семена бессмертны. Свидетель первой мировой войны, он указывает на то, что... «рядом

с набегующими узлами-наростами уродливого атакизма человека зверя, неубитого и в европейских нациях, есть закон непрерывного развития человечности, периоды ее нормального роста с возрождением в природе лежащих и исторической жизни углубленных культурных начал, не убитых в восточных нациях, хотя и умершвлявшихся веками, тысячелетиями. Обречены нации в слоях, по существу своей природы теряющих реальную перспективу жизни в будущем, обречены нации воскресающие в призрачно атакистических путях человека-зверя.

«Не обречены нации, находящие себя в человечности своей вековой культурной природы, неизменной и на завтра так же как она была верна себе вчера и третьего дня».

Н. Марра уже не было, когда шла вторая мировая война, освободительная война, которая велась за высокие принципы признания прав народа на самоопределение и на национальную независимость и самостоятельность, на свободное демократическое развитие. Эта война показала, что побеждают народы, для которых закон «непрерывного развития человечности является обязательным».

Так рассудила история. Это с первых дней предвидел человек, под вдохновенным руководством которого Великой Октябрьской революцией были осуществлены лучшие идеи века, человек, который вторую мировую войну сделал освободительной, гениально воплотив в себе и осуществив чаяния и надежды не только народов Советского Союза, но и народов Европы и Азии — великий Сталин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об единстве задач армяно-грузинской филологии. «Кавказский Вестник», № 3, т. 1902, стр. 15—29.
2. Предварительный отчет о работах на Синае, введенных в сотрудничество с И. А. Джавахипили, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель—ноябрь). «Сообщения Палестинского Общества», т. XIV, ч. 2, СПб, 1904, стр. 1—51.
3. Из поездки в Турецкий Лазистан. Впечатления и наблюдения. «Известия Акад. Наук», 1910 г., стр. 547—570, 607—632.
4. Георгий Мерчул. Жизнь св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст. Введение, издание, перевод, с Дневником поездки в Иавшию и Кларджию. «Тексты и розыскания по арм.-груз. филологии», т. VII, 1911.
5. Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа. П. 1922.

Редактор—III. Дзидзигури

30 =

Цена 2 руб.

40

142